

бархатным голосом, Аркадий приравнял существующую власть к кесарю, и даже плохо образованный Босой задрожал во сне, чувствуя неуместность сравнения. Но надо полагать, что блестящему риторике — отцу Аркадию — дали возможность говорить, что ему нравится.

Он пользовался этим широко и напомнил очень помрачневшим зрителям, что нет властей не от Бога. А если так, то нарушающий постановления власти выступает против кого?..

Говорят же русским языком — «сдайте валюту»» [4, с. 317].

Едкая ирония заключена не только в упоминании о помрачневших зрителях, которым сообщили, что и советская власть от бога. Изрядная порция яду заложена также в словах о том, что «блестящему риторике», конечно, дали возможность говорить то, что другим не позволялось. Надо учесть, что обновленческое движение было тесно связано с ГПУ, которое и направляло деятельность обновленцев. Архивные документы, опубликованные в последнее время, не оставляют сомнений на этот счет. Начальник Церковного отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков в отчете о работе отделения за 1923 г. сообщал: «...имея уже целую сеть осведомления, возможно было направить церковь по такому пути, какой нам был нужен. Так, в Москве была организована первая обновленческая группа, позднее названная «Живая церковь», которой Тихон передал временное управление церковью. Она состояла из 6-ти человек: двух архиер(еев) Антонина и Леонида и 4-х попов — Красницкого, Введенского, Стадника и Калиновского. (...) Группа эта объявила себя высшим церковным управлением, обратилась к верующим с декларацией о том, что Тихон государственный преступник. (...) Этим самым было положено начало раскола православной церкви и перемена политической ориентации церковного аппарата» [5, с. 45—46]. Булгаков, по-видимому, подозревал тайные связи обновленцев с властями.

Чтобы завершить характеристику образа отца Аркадия, добавим, что в другом черновом наброске к роману мы встречаем родственный образ священника, распродающего ценности с аукциона прямо в церкви и использующего вместо брокерского молотка подсвечник, которым он стучит по аналою [4, с. 209]. Тема распродажи церковных и исторических ценностей, гротескная картина храма, превращенного в аукционный зал, несомненно восходят к тем же реальным наблюдениям (и оставляют тем большее впечатление, что вызывают в памяти и евангельскую историю с изгнанием торгашей из храма). Изображение церкви, на куполе которой на месте креста устроился мужчина с папиросой в зубах, словно позаимствовано автором из журнала «Безбожник», хотя и сопровождается, естественно, прямо противоположной оценкой изображенного, нежели бы это было в таком журнале.

Булгаков вообще с повышенным вниманием следил за событиями, связанными с патриархом Тихоном, живой церковью, деятельностью Союза воинствующих безбожников. Имя патриарха Тихона мелькает в его газетных очерках «Москва краснокаменная» (июль 1922 г.), «Бенефис лорда Керзона» (май 1923 г.). О борьбе между «живой», традиционной и автокефальной церквями на Украине он писал в очерке «Киев-город» (июль 1923 г.) и даже выделил эту тему в самостоятельную главку под названием «Три церкви». Интерес ко всем этим событиям отражен и в дневнике писателя. Положению церкви посвящена его большая дневниковая запись от 11 июля (28 июня) 1923 г. В ней, в частности, отмечено, что патриарха Тихона выпустили из тюрьмы, и не без удивления, словно с вопросительными нотками, говорится о смягчении его позиции по отношению к советской власти. «Невероятная склока теперь в церкви, — заключает автор. — Живая церковь беснуется. Они хотели п(атриарха) Тихона устранить, а теперь он выступает, служит etc» [6, с. 8].

Не будучи человеком особенно религиозным, Булгаков тем не менее осуждал преследование церковных кругов, глумление над верой и кощунственное отно-